

Д. В. Амурский

**Университетские
записки**

Дмитрий Валентинович Амурский

Университетские записки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43687413

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга рассказывает о жизни студентов главного вуза страны в годы перестройки. Если вам интересно узнать: как называется двоичная собака; на какой машине Алан Тьюринг ездил читать свои лекции; какого числа подорвали город Энск; а также познакомиться с деталями быта студентов позднего СССР, то эта книга – для вас!

Содержание

Университетские записки: Первый курс	6
Вместо предисловия	6
Глава 1. Как я поступал в университет	9
Глава 2. Утюг и поезд	22
Глава 3. Первые впечатления	27
Общежитие	27
Факультет и преподаватели	29
Физкультура	34
Валерка	36
Гроссбух Галины Николаевны	38
Заозёрский против будильника	39
Обмен соседями	41
Глава 4. Гражданская оборона	44
Глава 5. Матан	49
Глава 6. Немецкий	55
Глава 7. Комсомол и прочее	59
Комсомол	59
Турпоход	62
Глава 8. В дружеском общении	66
День рожденья группы	66
Покер на спички и преферанс	70
Глава 9. А что у одноклассников?	74
Глава 10. Дискретная математика	79

Глава 11. Первая поездка в Ленинград	84
Глава 12. Нас становится меньше – сессия на носу!	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дмитрий Амурский

Университетские записки

Обложка книги создана автором, с использованием фотографий из личного архива.

Университетские записки: Первый курс

Вместо предисловия

У меня неплохая память. В начальной школе я мог чуть ли не дословно запомнить всё то, что рассказывала на уроке учительница. Для этого достаточно было лишь сосредоточить внимание на речи педагога и не реагировать на любые другие источники информации. Со временем способность к сверхконцентрации ослабла, но даже после этого у меня почти не возникало поводов жаловаться на забывчивость.

После того, как я завёл Живой Журнал, время от времени записывал там забавные факты и истории из своей студенческой жизни. За несколько лет набралось изрядное количество материала, который однажды захотелось как-то упорядочить. Скомпоновал первые десять глав – и захотелось их кому-нибудь показать. Вот только кому?

Хотелось, чтобы на мои заметки взглянул однокурсник с такой же хорошей памятью, как у меня, критическим складом ума и недюжинной языковой интуицией. И вскоре моему тёзке и бывшему однокласснику полетел вопрос по электронной почте:

–Ты как к графоманам относишься?

–Я к ним не отношусь. А вот как... Хорошо —не отношусь, плохо —тоже не отношусь, даже никак не отношусь. Вот такие у меня разнообразные отношения. Или неотношения.

–Тогда взгляни как-нибудь, как будет свободное время...

Я отправил Димычу ссылку на первые главы, выложенные на моём сайте. Сутки спустя мой тёзка написал следующее:

–И кто из нас попал? Блин, часа два сна лишился, как минимум... И это только начало. Давай начнём с главного. Что ты хочешь? Вот ты для чего всё это пишешь (я не про письмо – про воспоминания)?

Я задумался. Вопрос был простым, и в то же самое время – очень непростым.

– Чего я хочу? Не знаю. Для чего я это пишу? Тоже не знаю. Пишется временами, и ничего с этим поделать не могу. Поскольку я не знаю, для чего это всё, то, разумеется, не могу ответить и на вопрос о цели. Хотя, пожалуй, есть одна причина. То, что я прекрасно помнил десять лет назад, сейчас уже вспоминается весьма и весьма приблизительно. А ещё через десять лет, наверное, и вовсе сотрётся из памяти. Вероятно, я пытаюсь зафиксировать что-то, что ещё помню, для себя, а может быть и не только для себя...

И началось... Димыч добросовестно прочитал все начальные главы. Пожалуй, даже слишком добросовестно. Где-то он внёс существенные уточнения и дополнения. Какие-то

фрагменты раскритиковал и предложил, как их улучшить. В результате и получились эти записки.

Глава 1. Как я поступал в университет

В старших классах на уроках обществоведения мы изучали основы диалектического материализма. Помню, что на меня произвела большое впечатление идея всеобщей универсальной связи между всеми предметами и явлениями материального мира. Что-то связано непосредственно, что-то — через ряд промежуточных звеньев. Но всегда и везде существует эта взаимосвязь, взаимозависимость или взаимодействие. Ограниченность человеческого знания не позволяет видеть все существующие закономерности, но это не даёт оснований для их отрицания.

Наша жизнь складывается из цепочки совершенно случайных событий. Звенья-альтернативы ветвятся, подобно деревьям. На каждом шагу, осознанно или нет, разумно или не очень, нам приходится выбирать один вариант из нескольких возможных. Порой обдуманно, но чаще случайно находит человек свой собственный путь среди многочисленных возможных. А когда проходят годы, он вдруг неожиданно замечает, что его как будто бы направляла невидимая сила. Все случайные и независимые события чудесным образом, но при этом весьма целенаправленно, привели человека в его настоящее. И создаётся впечатление, что каждый попадает именно туда, куда и должен был попасть. Цепь случайных событий кажется совершенно не случайной! А вся свобода вы-

бора — иллюзорной, сводящейся лишь к тому, какой ногой ты оттолкнёшься, перепрыгивая через ту конкретную яму, подготовленную именно тебе.

Вот и история о том, как я поступал в университет, порой представляется мне совершенно невероятной, изобилующей множеством странностей и совпадений, заставляющих задуматься о всеобщей универсальной связи предметов и явлений, или же, если использовать другую парадигму, вспомнить об ангеле-хранителе...

Меня всегда ставил в тупик простой вопрос: "Кем ты хочешь быть?", который часто задавали в школе и дома, родители и учителя.

И ответить на этот вопрос у меня не получалось! Не было у меня в школьные годы никаких предпочтений, позволявших определить будущее жизненное поприще. Все предметы давались одинаково легко, всё было интересно почти в равной степени. Но в восьмом классе пришлось думать о том, где продолжать своё образование, ведь наша школа была восьмилетней. Вместе с двумя одноклассниками я решил поступить в математический класс одной из лучших школ города. Нас троих приняли туда после короткой беседы с будущими учителями.

Летом того же года мы с мамой и сестрой были проездом в Москве. На Красной площади купили обзорную экскурсию по столице. В программу двухчасовой поездки входила и остановка у смотровой площадки на Ленинских горах. И

вот тогда, выйдя из автобуса, я повернулся в сторону Главного здания Московского государственного университета и громогласно заявил, что учиться буду именно здесь. Мама с Ленкой хихикнули и пошли к парапету наслаждаться видом города. Я вскоре присоединился к ним и тут же забыл о сказанном, любуясь панорамой столицы. За два последующих года я ни разу не заинтересовался университетом. Не прорешивал варианты вступительных экзаменов прошлых лет, не узнавал, какие существуют факультеты в МГУ. Но, похоже, что я тогда сделал главное: громко вслух произнёс свои пожелания. Этому мирозданию показалось достаточно.

Прошло полтора года. Однажды зимой в наш класс после уроков зашёл армейский офицер. Собрав ребят, он предложил всем желающим поступать в Н-ское военно-инженерное училище. Златых гор не обещал, но посулил после учёбы интересную работу.

Перспектива заниматься военным космосом многим показалась заманчивой. А ещё Министерство обороны частично оплачивало абитуриентам проезд до училища, а так же питание и проживание. Если вспомнить, что авиабилеты от Хабаровска до Москвы тогда стоили примерно столько же, сколько получал рядовой служащий в месяц, то можно понять всю важность этого момента.

Для всех заинтересовавшихся раз в неделю устраивали дополнительные занятия. Специально откомандированный для этого офицер в звании капитана приносил нам задачи по

математике, предлагавшиеся в разные годы на вступительных экзаменах в училище. Мы добросовестно их все прорешали.

Особых трудностей эти задания не вызывали: всё-таки военное училище – это не МФТИ. Параллельно на каждого потенциального абитуриента собиралось досье – особые отделы проверяли нас на благонадёжность. Помню, что моим родителям пришлось восстанавливать свои давно потерянные свидетельства о рождении, а мне – впервые в жизни посетить нотариуса и сделать копии документов. Пришлось переписывать эти метрики от руки моим куриным почерком, ведь повсеместное распространение копировальных аппаратов тогда не поощрялось государственными органами.

Наступил июнь. Уже сданы все экзамены на аттестат зрелости, а дата вылета в Москву до сих пор неизвестна. Родители начали волноваться, но отвечающий за нас капитан всех успокоил. Дескать, всё под контролем! В день выпускного бала нам следовало с утра дежурить возле городского Трансагентства. Купить летом авиабилеты в Москву всегда было проблемой. Не смотря на бронь от Министерства обороны, пришлось почти целый день простоять в очереди, чтобы получить эти билеты на руки. После этого подвига я едва успел сбегать домой перекусить и переодеться к выпускному...

Абитуриентов военно-инженерного училища принимали в летнем лагере на окраине Москвы. Нас заселили в небольшие вагончики, в каждом из которых в двух комнатах-куб-

риках располагалось по четыре двухэтажных кровати. Помимо выпускников школ, в училище поступали так же и военнослужащие. Они-то и следили за порядком в помещениях. Кровати должны были быть заправлены «конвертом», а не как-либо иначе. А содержание всех разговоров перед отбоем немедленно становилось известным руководству летнего лагеря.

Сдавать экзамены мы ездили на автобусе через пол-Москвы. Письменную математику я решил без всяких проблем за час, потом ещё полчаса сидел на месте по просьбе солдата с заднего ряда – тот усиленно рылся в шпаргалках, а после моего ухода пользоваться внешними носителями информации становилось слишком заметно и слишком опасно. Несчастный абитуриент делал такие умоляющие жесты и строил такие жалостливые гримасы на лице, что не откликнуться на них было невозможно. Сдав работу, я потом ещё долго бродил по зданию училища, дожидаясь конца экзамена.

Часть абитуриентов отсеялась, поэтому руководство лагеря начало тестировать оставшихся по каким-то своим, особым методикам. Мы заполнили две громаднейших анкеты, с несколькими сотнями пунктов в каждой, для определения личностных особенностей и характеристик. В памяти осталось, что все вопросы повторялись в различных формулировках, как минимум, по три раза. А ещё очень запомнились противные навязчивые тесты для выявления различ-

ных фобий: «Не кажется ли вам, что вас кто-то преследует?», «Не замечали ли вы, что за вами кто-то следит?», «Не приходилось ли вам испытывать чувство беспричинного ужаса?» и тому подобное.

На следующий день проверялись наши аналитические способности. Сначала зачитывался довольно объёмный текст, который потом нужно было воспроизвести на бумаге как можно точнее. Второй этап теста включал в себя различные логические задачи, собранные в несколько блоков. За всей этой кутерьмой я как-то даже и забыл о такой мелочи, как список вопросов к устному экзамену по математике. И, как выяснилось впоследствии, совершенно зря!

Геометрию и тригонометрию я тогда знал очень хорошо. Мог с ходу написать вывод каждой формулы и доказательство любой теоремы из школьного курса. Однако же, по воле всемогущего случая, мне попался вопрос, на который я никогда не обращал внимания за всё время обучения в средней школе. И главное – совершенно простой вопрос: «Центр симметрии параллелограмма». Я ответил на него из общих соображений. Но не угадал!

Усталый экзаменатор, услышав мои слова, не стал сразу возражать, а дал выговориться, и, образно говоря, позволил мне самому затянуть петлю на своей юной шее. Два балла, и – до свидания, дорогой абитуриент! Как я упустил из виду эту тему – ума не приложу! Нелепая случайность, следствие моей безграничной уверенности в своих знаниях, по-

завившейся после двух лет обучения в матклассе! Парадоксальная ситуация! А, может, мирозданию так захотелось...

Уезжать домой в Хабаровск неудачником совершенно не хотелось, поэтому, покинув летний лагерь училища, я принял обход вузов Москвы. Возле МВТУ им. Баумана совершенно случайно повстречал своего одноклассника Володю Д., ожидавшего вызова на экзамен. Вовка был напряжён – в мыслях он уже сдавал вступительный. Но даже короткой беседы хватило, чтобы понять, что в "Бауманку" мне поступать совершенно не хочется. Нужно было идти дальше, смотреть следующий институт.

При входе в метро, снова совершенно случайно, увидел другого своего одноклассника, Андрея С., который тоже поступал в МВТУ и даже успел сдать там экзамен по физике. Но что-то ему в этом вузе не понравилось, в результате чего он забрал документы и собирался подавать их в МАИ. А ещё я узнал, что наш одноклассник Рома Д. поступает в университет, на факультет вычислительной математики и кибернетики (ВМиК). Ещё несколько замечательных случайностей, которыми так изобилует эта история.

Ночевал я тогда на Курском вокзале, в закутке под эскалатором. Спал прямо на полу, подстелив под себя карту Москвы. Перед сном все ценные вещи складывал в ячейку автоматической камеры хранения. Однажды утром кто-то из таких же бесприютных, как и я, в шутку меня спросил: "Ну как она, Москва? Мягкая?"

Всегда считается, что вокзалы – очень криминогенное место, но, как ни странно, никаких неприятностей не возникало. Меня не ограбили и не забрали в милицию для выяснения личности. Народ на вокзале тогда ночевал вполне приличный, не чета нынешним бомжам. В основном, это были транзитные пассажиры, не сумевшие купить билеты на ближайший поезд и не располагавшие лишними деньгами, чтобы устраиваться на ночь в гостиницу.

В июле как раз шёл очередной Московский международный кинофестиваль. После дневных хождений по институтам вечера я проводил в очередях за билетами на какой-нибудь фильм из внеконкурсного показа. Показывали по две ленты за сеанс, так что после последнего уже можно было смело отправляться спать на вокзал.

Поездка в МАИ на следующий день оказалась безрезультатной: на понравившийся мне факультет брали преимущественно москвичей. Конкурс для иногородних, претендующих на общежитие, превышал 10 человек на место. Остальные факультеты авиационного института меня не заинтересовали.

Оставался последний вариант – Московский государственный университет.

В приёмной комиссии факультета вычислительной математики и кибернетики я выяснил пренеприятнейшую вещь: для поступления мне не хватало документов. Медицинская справка и фотографии остались в военно-инженерном учи-

лице. Добрые девушки из комиссии, посочувствовав мне, посоветовали обратиться в университетскую поликлинику. Я так и сделал, но медики оказались не такими отзывчивыми. Они потребовали санкции начальника приёмной комиссии, Воронина В. П. А вот В. П. помогать мне отказался категорически. Сказал, что мои трудности – это мои трудности, и что его они совершенно не касаются. Забегая вперёд, сообщу, что Воронин потом целых пять лет был начальником нашего курса...

Что делать? Разумеется, действовать! Нужно добывать справку!

Куда идти? Понятное дело, в военно-инженерное училище, где эта несчастная справка осталась в моём личном деле.

Используя дыры в ограждении летнего военного лагеря, удалось проникнуть на охраняемую территорию, минуя КПП. Я беспрепятственно дошёл до вагончиков абитуриентов и пообщался с офицерами, ответственными за вступительные экзамены. Они оказались вменяемыми и адекватными людьми. На все вопросы отвечали, что прекрасно понимают мою ситуацию, но ничем помочь не могут. Вроде бы им и нетрудно было мне посодействовать, но, в то же самое время, никто из них не хотел рисковать – мало ли, а что на это скажет начальство? А вдруг не одобрит или косо посмотрит? Тогда я впервые осознал основной принцип нашей армии: если тебе нужно чего-либо добиться от военнотру-

жащих, то следует обращаться сразу на самый верх, минуя любые промежуточные инстанции. В данном случае самым главным был начальник медицинской службы училища.

На следующий день с самого утра я дежурил на входе в основной учебный корпус этой конторы. Поскольку маячить там мне пришлось довольно долго, дежурные по КПП меня запомнили и сразу сообщили, когда подъехал начмед, а потом соединили меня с ним по внутреннему телефону.

Этот человек никого не боялся и мог относительно свободно принимать любые решения. В ответ на мои косноязычные просьбы вернуть медицинскую справку последовало короткое и чёткое: "Ждите у входа".

Через час вестовой вынес мне заветную бумажку, оформленную врачами училища заочно. Любо дорого было посмотреть! Все военные медики дистанционно признали меня абсолютно здоровым, каждый в своей области, и заверили столь лестный диагноз личными печатями.

Опять-таки, стоит признать, что мне невероятно повезло. Существовала очень большая вероятность того, что никто не пожелает вникать в проблемы абитуриента из провинции и просто-напросто отправит его куда подальше. Однако же, отзывчивые люди встречались на каждом шагу. А ещё нельзя не отметить, что именно в 1987 году в порядке эксперимента экзамены в лучшие вузы страны проводились двумя сериями. И после всех мытарств я успевал сдать документы, чтобы попасть во второй поток вступительных!

Но следовало ещё сделать фотографии. Тут тоже без приключений и треволнений не обошлось.

Ночуя на Курском вокзале, я заметил фотолабораторию в доме напротив. После обретения медицинской справки сразу же отправился туда и заказал отпечатки нужного размера. Вечером, когда я пришёл получать фотографии, лаборатория оказалась закрытой. Всё? Приплыли? Фиаско?

Срочной печати тогда никто не делал, тем более в такое позднее время. Но мне снова повезло! Моими собратями по несчастью оказались ещё несколько человек. Они проявили себя очень деятельными натурами и вскоре нашли где-то подвыпившего фотографа. Получив несколько хороших тумаков, тот довольно резво, хотя и неуклюже, начал выдавать заказы.

Фотографии достались мне ещё мокрыми, только что из ванночки с закрепителем, поэтому пришлось некоторое время осторожно махать ими, чтобы ускорить процесс сушки. Закончив с документами, я отправился в последний раз ночевать на Курском вокзале. В последний раз нашёл местечко под эскалатором, в последний раз подстелил под себя карту Москвы, улёгся и моментально уснул. А в шесть часов утра, как обычно, был разбужен громким гудением вокзальных моечных машин...

Доехал на метро до станции «Университет», дошагал до здания факультета, успешно сдал документы в приёмную комиссию и получил ключи от комнаты в общежитии. Как же

было здорово после недели вокзальной маеты принять, наконец-то, душ и улечься на нормальной человеческой кровати! В секторе «В» главного здания МГУ царили покой и тишина: студенты уже разъехались, поэтому я замечательно отдохнул и великолепно отоспался. Пора приступать к экзаменам.

Вступительные прошли без особых приключений. Можно только снова отметить мою счастливую звезду. В тот год абитуриенты ВМиК сдавали четыре экзамена: математику письменную, математику устную, физику устную и сочинение.

С письменной работой я справился откровенно плохо: варианты этого факультета я никогда не смотрел и не прорешивал, поэтому в чём-то они стали для меня сюрпризом. Красивых изящных решений с ходу придумать не удавалось, а лобовые решения получались слишком громоздкими. Я начал волноваться, перепрыгивал с задачи на задачу. В итоге получил за письменную математику лишь трояк.

Затем дважды не смог получить высший балл на устных экзаменах. Почему-то мои ответы не полностью устраивали экзаменаторов, и они всё время задавали дополнительные вопросы и давали какие-то задачки. Видимо, недотягивал я до пятёрки. Поэтому после трёх первых экзаменов у меня набралось только 11 баллов. До заветной, обеспечивающей зачисление суммы, не хватало одного балла.

Оставался последний экзамен. И надо же было случиться такому чуду: практически поголовно всем поступающим на ВМиК ставили за сочинение тройки. А мою «Сатиру Ма-

яковского», писанную уже в четвёртый раз за полгода, филологи щедро оценили на «четыре». Таким образом, я сравнялся с основной массой по набранным баллам и был зачислен на факультет вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Итак, из звеньев, на первый взгляд, совершенно случайных и невероятных, сложилась цепь событий, приведшая меня именно туда, где мне было суждено оказаться. Река жизни, смеясь, легко пронесла меня сквозь опасную теснину мимо острых скал и водоворотов и оставила отдыхать в тихом спокойном месте. Калейдоскоп случайностей выстроился в моей жизни так, что я оказался на ВМиК.

Глава 2. Утюг и поезд

После вступительных экзаменов я познакомился с высоченным парнем из Петропавловска-Камчатского, Александром Заозёрским. Рост моего нового приятеля совсем немного не дотягивал до двух метров. Выглядел Саша представительно и, я бы даже сказал, франтовато. Такой типичный современный интеллигентный мальчик из хорошей семьи. Симпатичный, начитанный, идейно подкованный. Неудивительно, что он пользовался популярностью у девушек.

Кроме того, Заозёрский был истинным комсомольским активистом. Многим из поступивших на ВМиК приходилось в школьные годы в силу своего статуса лучших учеников класса участвовать в так называемой общественной жизни. Их избирали комсоргами, членами комитетов комсомола и так далее в том же духе. Но большинству вся эта деятельность радости не приносила и воспринималась, как повинность. А вот Александр являлся одним из тех немногих, кто с удовольствием и энтузиазмом принимал участие в работе комсомола. Павка Корчагин был для него не заезженным речевым клише, а настоящим идеалом, образцом для подражания, эталоном хорошего человека.

Пообщавшись с Сашей после вступительных, я вскоре выяснил, что на месяц, оставшийся до начала занятий, мы оба

поедем на Кубань к родственникам. Поэтому и билеты покупали на один и тот же поезд, следующий до Краснодара – чтобы в дороге было веселей. Мне-то этот маршрут не особенно подходил – после него следовало ещё пару часов добираться на автобусе, чтобы доехать до моих родных. Но чего не сделаешь ради хорошей компании?

В день отъезда я быстро закинул вещи в чемодан, сдал комнату администрации общежития и отправился к Сашке. Тот ещё не оделся и даже не начинал сборы. Стоял посреди комнаты и о чём-то раздумывал с довольной улыбкой на лице. Наверное, вспоминал что-то приятное. Может быть свидание с любимой девушкой, а может быть – поход за вишней в университетские сады.

Моё появление побудило Заозёрского к решительным действиям: он решил начать одеваться. Подошёл к шкафу, но застыл надолго у открытой дверцы. Спрашиваю его: «В чём дело?» А Сашка отвечает: «У меня все рубашки мятые! У тебя утюга не найдётся?»

Разумеется, утюга у меня не было. Я даже не задумывался о том, чтобы брать с собой такую тяжесть в дорогу! Да и вообще, проблема мятой одежды в те времена волновала меня значительно меньше, чем сейчас. То есть, абсолютно не волновала! Достаточно сказать, что брюки, в которых я отправлялся в дорогу, последний раз подвергались глажке ещё в родительском доме. То же самое можно было сказать и о рубашках.

Заозёрский же придерживался иных жизненных принципов. Перспектива выйти на улицу в невыглаженной рубашке повергла его в уныние. Улыбка с Сашкиного лица куда-то сразу же пропала. Её место заняло озабоченное выражение. После коротких раздумий Заозёрский приступил к радикальным, хотя и бестолковым действиям. Он обошёл комнаты всех своих знакомых, потом комнаты знакомых своих знакомых. Пользы это не принесло никакой – утюга не нашлось ни у кого. Мы лишь потеряли кучу времени. До отхода поезда уже оставалось совсем немного.

Тут меня осенило – ведь утюг должен быть у дежурной по этажу. И в самом деле, в её служебной каморке этот столь важный для Александра предмет нашёлся, после чего Заозёрский смог-таки наспех выгладить рубашку и, наконец-то, одеться. Затем мой приятель собирал чемодан, потом долго отдавал утюг дежурной, потратив кучу времени на пустые разговоры, сопровождавшиеся многозначительными улыбками... А ведь ещё нужно было сдать комнату!

Неудивительно, что после этого мы долго ждали лифт, чтобы спуститься с двенадцатого этажа, ещё больше времени ушло на ожидание автобуса на остановке перед главным зданием. В вестибюле станции метро «Университет» у Сашки возле разменного автомата рассыпалась мелочь, и нам пришлось потратить несколько драгоценных минут на ползанье под ногами других пассажиров метрополитена и сбор упавшихся монеток. В результате мы уже так сильно опазды-

вали, что при подъёме с «Курской-радиальной» пришлось всю дорогу бежать вверх по эскалатору вместе со всем багажом. Хорошо, что у меня был лишь один чемодан. Александру пришлось тяжелее. Он, как человек воспитанный, вёз родственникам какие-то подарки, и вещей у него набралось значительно больше.

Мы оба моментально взмокли. Попробуйте взбежать по лестнице с грузом!

Покрасневшие и задыхающиеся, мы неслись, не останавливаясь, по замысловатым подземным переходам под Курским вокзалом до нужной платформы. Затем, совершив последнее усилие, поднялись по ступенькам и увидели свой поезд. К нашему счастью, его отход по каким-то причинам задержали. Все остальные пассажиры уже давно вошли в вагоны, но двери проводницы ещё не закрывали и ждали отправления с флажками наготове.

Мы с Сашей с разбегу забросили в первый попавшийся тамбур свои чемоданы, потом вползли туда сами на трясущихся ногах. После бега с чемоданами сил почти не оставалось. Вагон оказался не нашим, но проводницы впустили нас без лишних разговоров, решив, наверное, что от таких безумцев лучше держаться подальше, чтобы не покусали ненароком. Сразу после этого поезд тронулся с места. А нам с Заозёрским пришлось ещё пробираться со своим багажом через добрый десяток вагонов.

Когда мы доползли до своих мест, убрали чемоданы под

сиденья и смогли, наконец-то, перевести дух, Сашка смотрел на меня виноватым взглядом. Вот же, блин, угораздило меня связаться с этим чистюлей! Видел бы он себя! Весь всклокоченный, мокрый, потный. И кому теперь какое дело, мятая у него рубашка, или нет?

Глава 3. Первые впечатления

Общежитие

Вернувшись в Москву к началу занятий, я очень удивился, когда получил в приёмной комиссии ордер на поселение не в уже изученном главном здании университета, а в каком-то ФДС-7. Оказалось, что в двух остановках от нашего факультета, недалеко от площади Индиры Ганди, находится целый городок пятиэтажных общежитий МГУ, так называемый Филиал Дома Студентов. В седьмом корпусе этого городка жили студенты младших курсов ВМиК.

На высоком крыльце перед входом в общежитие столпились женщины, страховые агенты. Они набросились на меня стаей гарпий, и одной из них таки удалось впиться в мой кошелёк и облегчить его на десять рублей. Взамен я получил страховой полис на стандартном бланке с водяными знаками. У большинства из нас эти бланки, заполненные шариковой ручкой, долго валялись по тумбочкам и исчезли бесследно, вместе с другими ненужными бумажками. Однако мой однокурсник действительно смог получить по такому полису приличную сумму денег, когда сломал руку во время учебного года.

На входе в ФДС-7 сидели строгие бабушки-вахтёрши в си-

них халатах. Они направили меня к коменданту общежития, а уж та выдала ключ от 104 комнаты на первом этаже. Ключ был только один. Следовало сделать с него дубликаты, чтобы мои будущие соседи тоже могли отпирать дверь.

Жить в этой комнате нам предстояло вчетвером. Двоих я знал. Это уже упоминавшийся Заозёрский Саша, который, собственно говоря, и договаривался в комитете по расселению. Второй – Витёк Липов с Западной Украины. С ним я познакомился даже раньше, чем с Александром.

Витёк оказался моим соседом по кубрику в летнем лагере военно-инженерного училища и, как и я, не поступив туда, успешно сдал экзамены на ВМиК. Липов знал массу забавных историй и смешных или даже злых анекдотов на разные темы, включая политические. Кроме того, он отличался особенной жизнерадостностью, каким-то искренним задором. Но ни один из моих знакомых к тому моменту пока ещё не приехал.

Ближе к вечеру я познакомился с третьим соседом. В дверь кто-то постучал. Я отпер, и в комнату вошёл темноволосый парень чуть выше меня ростом. Мы сразу познакомились. Сергей Питалов приехал из Коломны. Мы с ним быстро нашли общий язык, обсудили предполагаемый распорядок завтрашнего дня, а потом весь вечер провели за карточными играми. Серёжка очень забавно сердился, когда проигрывал.

Факультет и преподаватели

Факультет наш располагается в здании второго гуманитарного корпуса. В 1987 году он считался одним из самых новых и современных корпусов университета. Лекции нам читали внизу, а вот семинарские занятия всегда проходили на шестом и седьмом этажах. Там же помещалась учебная часть факультета и всё его руководство.

Лифтов в корпусе много, но студентов – значительно больше. Поэтому торопыжки, типа меня, часто пользовались лестницами. До сих пор помню, как гудели мышцы ног, когда, не желая ждать лифта, поднимался бегом вверх по лестнице после физкультуры. Зато радовал меня тот факт, что эти мышцы ещё есть.

Помимо больших лекционных аудиторий на втором этаже ещё располагались два больших просторных холла. Почему-то они получили название сачкодромов или попросту – сачков. Вероятно потому, что там любили слоняться студенты. Жизнерадостные младшекурсники порой даже играли в этих холлах в бадминтон.

Первое собрание нашего курса прошло в главном здании университета. Подходящего зала на четыреста пятьдесят человек на нашем факультете просто не нашлось. Поэтому руководству ВМиК пришлось воспользоваться огромной аудиторией в сталинской высотке. Обычно там читают лекции

студентам мехмата – их набирают немножко больше, чем нас взэмкашников. Всех собравшихся поздравили, а потом каждому вручили студенческий билет. Но, поскольку народу было слишком много, вся торжественность момента куда-то улетучилась. Если самым первым студентам достались вместе с документом крепкое рукопожатие и улыбка представителя деканата, профессора Костомарова, то оставшиеся четыре сотни получали студенческий уже без помпы. *Vanitas vanitatum et omnia vanitas.*

И начались наши студенческие будни. Лекции по самой главной дисциплине, математическому анализу, читал на втором потоке профессор Фёдоров Вячеслав Васильевич. Спокойный и внешне невозмутимый, свой предмет он излагал строго по знаменитому синему учебнику. Один в один, с точностью до знака препинания!

Из-за этого даже поговаривали, что Фёдоров сам же этот учебник и написал, но из-за обилия важных персон среди официальных авторов его фамилия на обложку не попала. Произносить имя и отчество Вячеслав Васильевич было для студентов слишком долго. И вскоре наш лектор получил более короткое прозвище Вячик.

Про Фёдорова рассказывали следующую историю. Однажды, когда он приступил к доказательству теоремы о том, что непрерывная на сегменте функция будет равномерно непрерывной на этом сегменте, в аудиторию ввалилась группа опоздавших студентов. В отличие от многих других лек-

торов, Вячик относился к нарушениям дисциплины стоически и никогда не тратил время на выяснение отношений. Опоздавшие могли спокойно пройти на свободные места и никаких карательных мер на экзаменах за это Фёдоров ни к кому не применял.

Но эти студенты зачем-то остановились у дверей и начали спрашивать, можно ли войти. И тут Вячеслав Васильевич слегка рассердился, что для него было не характерно. Оторвавшись от доски, он повернулся к вошедшим и спокойно произнёс:

– Вы меня перебили! Прошу сюда, берите мел и объясняйте, как в этом доказательстве работает определение непрерывности по Гейне!

Студенты остолбенели. К счастью для опоздавших, среди них нашёлся человек, который быстро соображал. Он тут же ответил:

– Вячеслав Васильевич! А можно мы просто сядем?

Фёдоров кивнул, и продолжил доказательство.

Алгебру нам читала Галина Динховна Ким. С её предметом было сложнее. Учебников по алгебре первокурсникам выдали сразу несколько, но ни один из них не подходил на сто процентов, поскольку изложение велось лектором по своей собственной программе. Как я понимаю, учебник алгебры Галина Динховна в то время лишь писала. Эта книга была издана университетским издательством несколько лет спустя.

Вы спросите: «А зачем создавать новый учебник, если уже написано столько старых, если даже вам выдавали их целых три?»

Всё дело в том, что требования к уровню и строгости изложения всё время менялись, и то, что было допустимо в тридцатых или пятидесятых годах двадцатого века, перестало удовлетворять математическую общественность в семидесятых-восьмидесятых. И начались многочисленные попытки совместить строгость математических доказательств с их понятностью.

К примеру, доказательство теоремы Лапласа в старом учебнике занимало примерно дюжину строчек текста с общими рассуждениями. У нас же на лекциях обоснованию этого математического утверждения посвящался целый академический час. Так вот, курс Галины Динховны по линейной алгебре, пожалуй, был самым строгим, но в то же время и самым понятным.

Ким великолепно чувствовала аудиторию и всегда хорошо понимала, когда нужно остановиться, чтобы студенты успели записать изложенный материал, а когда имеет смысл сделать паузу и отвлечься от предмета. В такие моменты она рассказывала нам какую-нибудь забавную историю. Вот одна из них.

Как-то раз один известный учёный, написав монографию по своей научной дисциплине, после большого симпозиума сидел в холле и подписывал авторские экземпляры для раз-

дачи коллегам. Времени была мало, а книг – много. Поэтому, подписав очередной десяток монографий, в какой-то момент этот учёный утомился и начал писать лишь инициалы вместо фамилий. Его коллега и друг, тоже известный учёный, получил книгу, подписанную следующим образом: "ПСУ от ПСА"!

В другой раз Галина Динховна поведала нам о драматическом случае из жизни её знакомых. Разумеется, математиков. Эти люди волей судеб оказались в ужасной ситуации: машина этих знакомых упала в реку. Другие бы на их месте запаниковали и, может быть, погибли бы. Но математики – люди особенные. Не теряя выдержки, знакомые нашего лектора спокойно дождались того момента, когда вода заполнила примерно две трети внутреннего объёма автомобиля, а потом так же спокойно и организованно открыли дверцы и покинули тонущую машину. Ни один математик при этом не пострадал!

А однажды, чтобы развлечь заскучавших первокурсников, Ким вспомнила песенку про любовь математика, которую нужно петь на мотив «Легко на сердце от песни весёлой»:

Наук чудесных немало на свете,
Но среди них есть одна из наук,
Из-за которой студенты, как дети,
По вечерам жизнерадостно поют.

Припев:

Нам математика жить помогает,

Нам математика силы даёт.

И кто в n -мерном пространстве шагает,

Тот никогда и нигде не пропадет.

С любимой в поле комплексном гуляя,

Он заглянул ей с улыбкой в лицо

И, теорему Коши напевая,

Ей подарил многочленное кольцо.

Кто математик – тот в жизни, как вектор:

Пройдёт немного и пару найдёт.

Родится сын – и любимый наш лектор

Его к нормальному виду приведёт.

Физкультура

А ещё на младших курсах мы занимались физкультурой. Сначала всех студентов попросили заполнить анкеты, где требовалось указать свои спортивные предпочтения и результаты. Затем мы сдавали некоторые нормативы, например, стрельбу и плавание. И уже после этого нас распределили по секциям.

Самые спортивные попали в центральную секцию по своему виду спорта. Им даже доводилось выступать за универ-

ситет на соревнованиях. Люди с самым проблемным состоянием здоровья попали в группы лечебной физкультуры. В обиходе они называли сами себя «калеками». Остальных более или менее равномерно распределили в группы лёгкой атлетики, баскетбола, волейбола, футбола, лыж и некоторые другие.

Больше всего мне запомнилась сдача нормативов по плаванию в первые дни сентября. В подвальном этаже главного здания МГУ располагается двадцатипятиметровый бассейн. Нас всех попросили подойти туда к определённое времени. Студентов выстраивали по пять человек вдоль бортика. По команде нужно было прыгнуть в воду, доплыть до противоположного края бассейна и вернуться обратно.

Стою, жду своей очереди. Вдруг вижу – переполох поднялся. Все рванулись к бортику. Физруки с мертвенно бледными лицами начали метаться у воды. Один из них схватил длинный шест и дрожащими руками стал опускать его в бассейн.

Всё это время был слышен чей-то ужасный громкий захлёбывающийся крик. Что за ужасы?

Оказалось, что в очередном заплыве норматив сдавал один из наших иностранных студентов, кубинец Фредди. Он смело встал у бортика вместе с другими, потом по команде резво прыгнул в воду. А когда Фредди понял, что в бассейне глубоко и дна он ногами не достаёт, он заорал. Одновременно кубинец с невероятной скоростью размахивал руками

и ногами и, благодаря этому, под воду не уходил. Но его ба-
рахтанье и крики так напугали всех окружающих, что про-
сто удивительно, как те же физруки случайно не утопили его
спасательным шестом.

Стресс у Фредди был таким сильным, что он продолжал
орать даже после того, как его вытащили из бассейна и за-
вернули в сухое полотенце. Когда парень, наконец-то успо-
коился, его спросили, зачем он лез в воду, не умея плавать.
На этот простой вопрос кубинец ответить не смог. Видимо,
постеснялся признаться.

Валерка

Как-то раз, войдя в аудиторию перед очередным семинар-
ским занятием, мы с одноклассником Валеркой обнаружили
на одном из столов кем-то забытую общую тетрадь. Она бы-
ла совершенно чистой. Такое сокровище, большая тетрадь
«полуторного» формата в клеточку с клеёнчатой обложкой,
могло пригодиться любому студенту.

Затейник Валерка, увидев, что я тоже не отказался бы от
использования этой находки, предложил её разыграть в кре-
стики-нолики «пять в ряд». Идея мне понравилась! В шко-
ле я нередко сражался в эту игру с одноклассниками, и, как
правило, выигрывал.

Валерка без лишних предисловий открыл предмет спора
на последней странице и сразу же нарисовал крестик в одной

из клеток. До начала семинара мы успели сразиться несколько раз. Результат оказался обескураживающим: мне удалось выиграть лишь в одной партии, а во всех остальных Валерка одержал верх.

На переменке продолжили. Тут до меня, наконец-то, дошло, что Валеркины победы являются следствием его активной стратегии. Я собрался с мыслями и применил методы противника против него самого. Поначалу это принесло некоторые плоды. Мне удалось немножко сократить разрыв в количестве выигранных партий. Но Валерка тоже не дремал и тут же придумал новый вариант развития атаки. Коротче говоря, за день мы с ним сыграли несколько десятков раз. С подавляющим преимуществом победил Валерка. Тетрадка досталась ему.

Впоследствии я узнал, что мой одноклассник хорошо играет в любые игры, как в интеллектуальные, так и в спортивные. Шахматы, преферанс, бридж, деберц, белот, футбол, баскетбол, волейбол – это далеко не полный перечень игр, в которые Валерка играл с приличным результатом. Замечательные умственные способности, плюс память, плюс упорство и трудолюбие позволяли ему добиваться значительного прогресса во многих областях. Более того, Валерка пытался и других научить делать то, в чём преуспевал сам.

Как-то он обратил внимание, что я совершенно не умею бросать в кольцо баскетбольный мяч, а также не способен остановить ногой быстро летящий футбольный. Другой бы

просто посмеялся над этим, а Валерка долго и терпеливо пытался показать мне, как это нужно делать правильно: продемонстрировал постановку рук и корпуса перед броском в одном случае и движение колена и голени, гасящее скорость мяча в другом. Сабониса или Платини из меня всё равно не получилось, но, по крайней мере, обращаться с мячами я стал чуть лучше.

Гроссбух Галины Николаевны

Однажды в сентябре, в перерыве одной из лекционных пар, дверь в большую поточную аудиторию открылась и к нам заглянула инспектор курса, Галина Николаевна Рыжова. Она, загадочно улыбаясь, держала обеими руками большой фолиант. Пройдя к помосту с кафедрой лектора, Галина Николаевна попросила студентов вернуться на места и обратить на неё внимание. Оказалось, учебная часть решила проверить посещаемость лекций.

Рыжова открыла свой гроссбух и начала переключку. А чтобы прогульщиков не могли прикрыть друзья, поднимая за них руки, инспектор сличала откликнувшихся с фотографиями в своём кондуите.

Но, представьте себе, сколько потребуется времени для проверки с идентификацией двух сотен человек! Даже если брать две секунды на чтение фамилии и имени, столько же на поиск поднятой руки и разглядывание лица, а затем две се-

кунды на проверку фотографии, то получается, что вся процедура займёт времени в четыре раза больше, чем позволяет перерыв между половинками лекции. А в реальности всё происходило значительно медленнее.

Когда лектор возвращался в аудиторию, переключка не успевала пройти даже наполовину. Так что руководство курса быстро отказалось от таких проверок и гроссбух Галины Николаевны упокоился с миром в нижнем ящике её рабочего стола.

Заозёрский против будильника

В первые учебные дни я был полон энтузиазма. Сразу купил себе будильник, чтобы не проспать занятия. В программу-максимум входили подъём, водные процедуры, одевание и завтрак в столовой возле ФДС.

Вот только моих соседей по комнате почему-то не слишком радовал ранний подъём. Заозёрский, который часто по вечерам пропадал невесть где и возвращался очень поздно, болезненнее других реагировал на утренний звон будильника. Сашка был сторонником программы-минимума: вскочить с кровати, продрать глаза, одеться и бежать на факультет. Если везло с транспортом, то на всё это уходило десять-пятнадцать минут.

Однажды утром я проснулся от звона будильника, но звук был очень тихим и приглушённым. Прислушался – звенело

где-то неподалёку. Но где же?

При поисках выяснилось, что Заозёрский спрятал будильник в мою тумбочку, чтобы его в лучшем случае услышал только я. В другой раз прибор очутился под моей кроватью. В третий – он был безжалостно упрятан во встроенный шкаф возле входных дверей.

С течением времени энтузиазм мой пошёл на убыль. Тем более, что к середине семестра выяснилась такая интересная вещь. Если с утра не завтракать, то пропускать обед получается значительно легче. Чувство голода после второй пары практически не возникает! Вскоре это вошло у меня в привычку. Игнорируя завтрак, можно было относительно легко обходиться и без обеда. А чтобы наестся, как следует, за весь день, оставались ещё ужин и вечерние чаепития.

Соответственно, и время, когда по утрам звонил мой будильник, отодвигалось всё дальше и дальше от запланированного программой-максимум. В конце концов, мы вскакивали с кровати лишь с минимальным запасом времени. Его хватало в обрез лишь на то, чтобы быстро одеться, добежать до остановки общественного транспорта и доехать до факультета. Как раз по программе-минимум Заозёрского.

Кто-то из моих друзей любил рассказывать такой анекдот. В комнате общежития звенит будильник. Студенты неохотно просыпаются и спросонья решают бросить монетку. Если выпадет «орёл» – то они пойдут на вторую пару, если «решка» – то на третью, а если монета встанет на ребро – то, так

и быть, на первую.

Обмен соседями

Витёк Липов очень любил рок-музыку. Осенью он привёз из дома магнитофон «Электроника-302» и несколько кассет с любимыми записями. «ZZ Top», «Ария», «Чёрный кофе» звучали в комнате ежедневно. Особенно Липову нравились записи с какого-то рок-фестиваля, посвященного юбилею Моцарта. Заводное «Amadeus, Amadeus ... oh, oh-oh Amadeus» из песни Фалько «Rock Me Amadeus» ежедневно и многократно гремело на всю комнату.

Сашка же, с его бескомпромиссными комсомольскими взглядами, относился к этой музыке весьма настороженно. И вообще, судя по всему, Витёк Заозёрскому совершенно не нравился. Поэтому через некоторое время в Сашкиной голове оформился радикальный план, как относительно безболезненно избавиться от разонравившегося соседа.

Как-то вечером Заозёрский предложил нам познакомиться с ребятами из 110-й комнаты – такими же первокурсниками. Мы сходили к ним в гости, попили чайку. Потом поболтали весь вечер на отвлечённые темы. А чуть позже интриган Заозёрский в тайне ото всех договорился с новыми знакомыми о том, чтобы поменять Витька на Валерку Сидорова.

В один из дней я вернулся с занятий и неожиданно увидел,

что у меня теперь новый сосед по комнате. На бывшей Витьковой кровати сидел долговязый Валерка и учил французский. Это было очень неожиданно! Заозёрский всё провернул быстро и тихо. По большому счёту, всем было всё равно, поскольку никто ещё не успел сдружиться по-настоящему. Но какой-то неприятный осадок остался, особенно у Витька Липова. Мне показалось, что он обиделся на нас вообще и на Сашку в частности. Но его природная жизнерадостность очень быстро взяла своё, и обида эта вскоре забылась. Тем более, что с новыми соседями Липову было гораздо веселее.

В 110-й комнате обитал Женька Вадрин. В один из осенних дней первого семестра он рассказал нам, как можно развлечься, а заодно и перекусить нахалюву.

Следовало вбежать в комнату своих знакомых, желательнее – не слишком близких, а потом громко крикнуть: «Играем в саранчу!». После этого предполагалось открыть встроенный шкаф у входных дверей, где обычно все студенты держали какие-то продукты, печенье к чаю, сахар и тому подобные маленькие радости жизни, и немедленно запихивать себе в рот всё, что только могло там поместиться.

Женька был человеком бесцеремонным, поэтому мы легко допускали, что именно так он и поступал на самом деле. Вскоре в нашей 104-й комнате Вадрин однозначно идентифицировался по прозвищу «Женька-саранча». Иногда кто-нибудь из нас даже в шутку кричал: «Народ! Внимание! Тревога! Срочно запираем дверь! Женька-саранча летит по ко-

ридору!».

Глава 4. Гражданская оборона

Был у нас на первом курсе ещё один предмет, который несколько выпадал из общей парадигмы обучения. «Гражданскую оборону» нельзя было отнести ни к общественным дисциплинам, ни к профильным математическим отраслям знания. На занятиях по этому предмету мы изучали то, что уже когда-то слышали на школьных уроках начальной военной подготовки: виды оружия массового поражения, основные их характеристики и поражающие факторы, а так же мероприятия, призванные уменьшить потери среди мирного населения от этих страшных боеприпасов.

Название данного курса мы обычно сокращали, взяв по две первых буквы от каждого слова. Получалось – ГРОБ, такое симптоматическое и много говорящее о предмете название. Сомневаюсь, что такая слоговая аббревиатура нравилась сотрудникам кафедры гражданской обороны, но, как говорится, из песни слов не выкинешь.

В нашей группе этот предмет преподавал Павел Ефимович Жердев, ветеран Великой Отечественной, генерал-лейтенант в отставке. Он по-военному чётко излагал основные положения данной дисциплины.

По гражданской обороне существовал и учебник, созданный специально для университета. Все последствия применения ядерного, химического или бактериологического ору-

жия в этом методическом пособии рассматривались на примере злосчастливого города Энска. В нём же проводились мероприятия по защите от поражающих факторов, а также карантин и обсервация.

Особенно нам всем запомнилась дата 03.04.****, день, в который, согласно учебнику, этот населённый пункт подвергся ядерному удару. Мой одноклассник Дима З. (он же Димыч, он же тот самый человек, который принял самое ответственное участие в создании этой книги) даже предлагал отмечать 3 апреля ежегодно, как «чёрный день» календаря. А по факультету ходила песенка, исполняемая на мотив «Гоп-стоп» Александра Розенбаума:

Гроб-стоп!
Мы подорвали город Энск!
Гроб-стоп!
Товарищ Жердев, Энска нет!
Теперь раскаиваться поздно,
Не смотрите грозно!
Это вам не шутка —
Десять тысяч кило-мега-тонн!

Гроб-стоп!
Уже оплавилась земля!
Гроб-стоп!
Без Энска нам никак нельзя!

И мы сидим шестую пару,
Терпим эту кару.
Мы – за мир, за дружбу!
Помогите, люди! Убавьте мегатонн!

Слова я сейчас уже помню весьма смутно. В оригинале куплетов было значительно больше и звучало всё гораздо сочнее.

На гражданской обороне со мною как-то приключился забавный случай. В школьные годы, долгих десять лет, все учителя обращались к нам на «ты». Это запомнилось, впечаталось в мозг чуть ли не на подсознательном уровне.

И вот – университет. Здесь, по традиции, преподаватели обращаются к студентам исключительно на «вы». Так принято. Но привычные формы обращения, принятые в школе, никак не выходили из моей головы! На «ты» я отвечал «я», а вот когда мне говорили «вы», я довольно долго автоматически начинал фразу с «мы».

Как-то раз я проспал – то ли будильника не услышал, то ли в столовой задержался за завтраком, то ли троллейбуса долго прождал на остановке. А первой парой в расписании в тот день стояла гражданская оборона.

Жердев очень не любил опаздывающих. Он был военным человеком и совершенно справедливо полагал, что явиться вовремя на занятия может и должен любой студент, вне зависимости от каких-либо обстоятельств. Слушать его заме-

чания по этому поводу было всегда очень неловко, поскольку Павел Ефимович был абсолютно прав.

На факультет мы тогда приехали вместе с Димычем. В холле мой одногруппник остался ждать лифт, а я, чтобы не терять зря времени, помчался по лестницам. Подбегаю к аудитории, стучусь в дверь и вхожу.

Преподаватель укоризненно посмотрел на меня и спросил:

– Ну-с, молодой человек, объясните, почему вы опоздали? Что у вас произошло?

И я начал оправдываться перед Жердевым, автоматически начиная фразу словом «мы»:

– Мы проспали!

От этих моих слов вся наша группа почему-то начала дико хохотать. Даже сам Жердев заулыбался, сменил гнев на милость и жестом руки разрешил пройти на место.

Я же никак не мог понять, почему все смеялись. Мельком оглядел себя – вроде бы с одеждой всё в порядке. И лишь когда сел за стол, увидел, что за мною идёт ещё кто-то. Поднял голову и увидел одногруппницу Настю. Только тут до меня дошла вся двусмысленность ситуации!

Мы стояли в дверном проёме вдвоём с Настей, и я громко заявил, что «мы проспали». Надо же было так «удачно» выразиться! Покраснев, как вареный рак, я попытался пригнуться к столу, чтобы сделаться как можно менее заметным, а вся группа смеялась надо мною ещё громче! Хорошо ещё,

что Настя не обиделась.

Через минуту, когда в аудиторию постучались Димыч и кто-то с ним, все ещё улыбались. Павел Ефимович весело спросил очередных опоздавших:

–Вы тоже проспали? – чем вызвал в группе новую волну истерического смеха. После этого Жердев воздержался от обычных нотаций и разрешил вошедшим сесть на свои места.

Пара закончилась и мои добрые одноклассники разнесли весть о неловкой фразе по всему курсу. И до самого конца недели ко мне приставали все знакомые с просьбой рассказать, когда и с кем я проспал. А я был тогда человеком закомплексованным, от таких вопросов смущался, и послать тех, кто задавал такие вопросы, куда подальше, ещё не догадывался. К счастью, всё это скоро забылось.

Глава 5. Матан

Наш лектор по математическому анализу, Вячеслав Васильевич Фёдоров, очень не одобрял то, как студенты сокращали название его предмета. Видеть слово «МАТАН» на обложках тетрадей с конспектами было выше его сил. Как-то раз, не смотря на всю свою флегматичность, он даже выступил перед лекцией с коротким заявлением о том, что подобное сокращение неблагозвучно, некрасиво и некорректно, что если уж нам так хочется сократить наименование данного предмета, то лучше сделать это как-нибудь по-другому. Например, «Матем. Ан.».

Однако речь его была лишь гласом вопиющего в пустыне. Столь не нравившееся лектору слово давно стало укоренившимся в студенческой среде термином. Предмет – матан; преподаватель, ведущий семинары в группе, – матанщик; студент, хорошо разбирающийся в этой математической дисциплине, – матанист или матанюга.

В курсе лекций Фёдорова использовались буквы греческого алфавита. Особенно популярными сначала были ϵ (эпсилон) и δ (дельта). Многие формулировки включали в себя фразу «Для любого $\epsilon > 0$ найдётся такое $\delta > 0$, что...».

Мой одноклассник Валерка, тот самый, с которым мы разыгрывали общую тетрадь, как-то пошутил на эту тему, сформулировав универсальное решение всех задач на непре-

рывность или равномерную непрерывность функций, пародирующее доказательства из курса лекций по матану. Оно звучало так: «Фиксируем произвольное $\epsilon > 0$. Остальное – тривиально!»

Семинарские занятия по математическому анализу вёл у нас Николай Юрьевич Капустин, высокий коротко стриженный крепыш, чаще всего одевавшийся в модный джинсовый костюмчик. Войдя в аудиторию на самом первом занятии, он очень ехидно оглядел нашу группу, проследовал к своему столу, уселся и кинул взгляд на список студентов. После этого Капустин приступил к знакомству со 116-й группой. Из журнала читались фамилии, а называемые студенты и студентки должны были поднять руку, чтобы преподаватель мог их увидеть.

Вскоре Николай Юрьевич начал хохмить:

– Киселёва. А это случайно не ваш дедушка руководил коммунистами Белоруссии? Нет? Ну ладно.

– Шевченко. Гм... Помнится, был такой Аркадий Шевченко, который к американцам перебежал. Не слышали про такого? Ну ладно.

– Шепилова. Так. А вы, случаем, тому самому «примкнувшему к ним Шепилову» не родственница? Ну и ладно.

Мы не слишком понимали, почему Капустин так развлекается с фамилиями. Никто из нас тогда не знал, что дочка тогдашнего первого секретаря МГК КПСС Ельцина четыре года назад закончила ВМиК. Вероятно, в данном контексте

шуточки Капустина выглядели действительно забавно.

Закончив с фамилиями, Капустин взял в руки наш синий учебник по математическому анализу, называемый студентами в обиходе «кирпич» за свой солидный объём. Полистав книгу, Николай Юрьевич заговорщицким тоном произнёс:

– А вы обращали внимание на инициалы третьего автора этого учебника?

На обложке значилось: Ильин В. А., Садовничий В. А., Сендов Бл. Х. Действительно, инициалы последнего звучали несколько странно. Капустин обвёл всех весёлым взглядом, а потом, выдержав хорошую театральную паузу, сказал:

– Благовест Христов. Он – болгарин, ректор Софийского университета. А вы что подумали?

Как-то Малыш, самый младший студент нашей группы, перед семинарским занятием по математическому анализу написал на доске большими буквами THE BEATLES. Малыш являлся в тот момент страстным битломаном и слушал подряд все альбомы любимой группы на кассетах.

Прозвенел звонок. В аудиторию вошёл Капустин. Он смерил надпись на доске ехидным взглядом, а потом начал говорить в своей обычной манере – медленно, как бы лениво, и таким снисходительным тоном, с хорошо заметными оттенками превосходства:

– Помнится, когда я был маленьким, папа мне привозил из Лондона разные пластинки. И «Битлз» тоже привозил. Хорошая музыка! Для детей и подростков. А потом я вырос.

И «Битлз» уже больше не слушаю.

В другой раз моя одноклассница Сашенька Борщёва, которая тоже за словом в карман не лезла, после очередной капустинской эскапады на семинаре, где мы брали производные различных функций, уязвила преподавателя своей репликой:

– Николай Юрьевич! Это что же получается? Моя фамилия – это первая производная от вашей?

Все засмеялись, а наш семинарист отмолчался – не смог придумать достойного ответа своей студентке.

Капустин был матанщиком не только в нашей группе. Ещё он вёл семинары в 115-й, где учился Костя Г. Ребята в той группе подобрались на редкость эрудированные, с творческим огоньком в душе! Они развлекались тем, что в течение длительного срока писали перед семинаром мелом на доске фамилию любимого преподавателя, пользуясь всё новыми и новыми алфавитами.

Первый раз – латинскими буквами. В другой раз – греческими. Не помню, что использовалось выдумщиками перед третьим занятием, но народ из 115-й, шалости ради, не ленился регулярно обращаться к Большой советской энциклопедии. Использовалась даже откровенная экзотика, типа финикийского письма. Были задействованы и руны, и даже иероглифы. Капустин, видя этот балаган изо дня в день, тихо умирал со смеху, но 115-й группе ничего не говорил. Видимо ждал, когда у затейников иссякнет фантазия.

У Серёжки Питалова семинары по матану вёл Борис Иванович Березин. Серёжка порой рассказывал про то, как проходили эти занятия. К примеру, решает Борис Иванович какое-то упражнение из задачника Демидовича по математическому анализу. Долго решает, а справиться с упражнением никак не может. Что делать? И Борис Иванович легко находит выход из положения, громко объявляя студентам:

– Что-то не получается. Ну и ладно. Мы тогда посмотрим в «Анти-Демидовиче»! Так, ага, понятно, – и без каких-либо колебаний переписывает оттуда решение на доску.

Задачник Ляшко, в котором приводятся решения многих примеров из задачника Демидовича, часто называли «Анти-Демидовичем». Понятное дело, данный пример не указывает на то, что Борис Иванович не знал своего предмета. Вовсе нет. Это лишь показатель того, что к семинарским занятиям со студентами Березин не готовился, а надеялся на "русский авось". Многие наши однокурсники часто рассуждали так же: "Я умный. Мозги у меня хорошие. Значит, голова что-нибудь придумает при необходимости!"

В то же время, по словам Серёжки, когда вызванные к доске студенты не справлялись с задачками, Борис Иванович над ними подтрунивал, порой обидно, и при этом смеялся довольно неприятным смехом:

– Гы-гы-гы!

Знал бы Серёжка, что именно Борис Иванович будет его «злым гением» в университете!

Группа Питалова относилась к первому потоку. Соответственно, у них были другие лекторы. Математический анализ им читал Василий Васильевич Тихомиров. Студенты дали этому лектору прозвище «Васька-штрих» за склонность к использованию одноимённого символа. Там, где Фёдоров довольствовался латинским алфавитом и натуральными числами, Тихомиров к месту или не к месту расставлял многочисленные штрихи. И ладно бы, если б ставились они для обозначения производных. Нет! Василий Васильевич с удовольствием использовал свои любимые штрихи и для нумерации утверждений, требующих доказательства. Теорема два штриха, лемма три штриха...

Однажды во время празднования дня факультета Тихомирову задали провокационный вопрос: сколько штрихов может быть возле одного знака функции? Это вызвало сильное оживление в аудитории – прозвище Василия Васильевича ни для кого не было секретом, даже для него самого. Тихомиров, с улыбкой на лице, поведал собравшимся, что максимальное количество штрихов справа от знака функции равно шести: допускается три сверху и три снизу.

Глава 6. Немецкий

В нашу 116-ю группу собрали тех студентов, которые при анкетировании указали, что в школе учили немецкий язык и хотели бы продолжать изучать этот язык в университете. Для начала мы написали тестовые задания, по результатам которых были сформированы две подгруппы – сильная и слабая (так же называются склонения глаголов в немецком языке). Первую взяла себе энергичная дама средних лет. А нами, теми, кто неважно написал тест, занялся лично начальник этой преподавательницы, седой импозантный мужчина предпенсионного возраста.

Всегда корректный, но в то же время холодный и отстранённый, этот человек выглядел, как реликт давно минувших времён. Нас он не очень-то жаловал. Все мои попытки сыпать словами на немецком языке так, как привык в школе, без внимания к мелочам вроде грамматики, сразу же немедленно и жёстко пресекались. Говорить следовало только правильно, иначе не стоило говорить вообще!

Нашу слабую подгруппу сразу же отправили в лингафонный кабинет, где мы слушали части вводно-корректировочного курса из учебника «Ein Lehrbuch für Ausländer», изданного в ГДР. Отчитывал нас этот преподаватель и за грамматику, и за произношение, и за всё остальное. Короче говоря, когда он внезапно уехал в командировку в Австрию и его за-

менила аспирантка, мы только обрадовались.

Новая преподавательница Ольга тоже поначалу взялась за наше обучение со всей возможной строгостью. Столкнувшись с ужасными ошибками в произношении у большинства студентов, молодая аспирантка заставила снова проштудировать порядком надоевший вводно-корректировочный курс. Но вскоре отношения с ней у нас наладились, и на занятия по немецкому языку ходить стало гораздо веселее.

Аудиторию нам выделяли самую маленькую, какую только можно было отыскать во всём втором гуманитарном корпусе. В этой комнатке помещались только два ряда по четыре стола для студентов и один стол для преподавателя. Больше туда ничего втиснуть уже не получилось бы. Имена в нашей подгруппе не отличались разнообразием. В результате, за одним длинным-предлинным столом подряд сидели два Димы, Андрей (он же Малыш), двое Александров и одна Александра, а на втором ряду ещё и две Наташи. И изо дня в день повторялась следующая ситуация:

– Назовите мне, Дима, три основных формы глагола sein (быть), – даёт задание наша преподавательница.

В ответ – тишина. Оба Димы невозмутимо смотрят в разные стороны, предполагая, что спрашивают в этот момент другого. Через пару минут, не услышав ответа соседа, Димы пытаются заговорить одновременно, после чего снова замолкают. Ситуация – патовая. Все смеются, включая Ольгу. Но ведь с Сашами – ещё хуже!

– Саша! Прочитайте мне упражнение 4 на странице 35! – и все три Саши вразнобой начинают невнятно мямлить что-то по-немецки.

Со временем, конечно, Ольга привыкла и нашла простой способ, как бороться с таким невольным саботажем. Все обладатели повторяющихся имён назывались ещё и по фамилиям. Просто их ещё нужно было запомнить.

Зимой нашей преподавательнице могло показаться, что проблема повторяемости имён несколько ослабла – один Саша из нашей подгруппы перед первой сессией отчислился из университета. Но, как говорится, чему быть – того не миновать. На втором курсе выбывшего заменил другой студент. Разумеется, он тоже оказался Александром.

Оставшийся Саша перед поступлением в университет долгое время жил в Грузии. Он даже мог довольно бегло говорить на грузинском языке. Так вот, каждый новый преподаватель немецкого, услышав Сашину речь на языке Гёте и Шиллера, считал своим долгом осведомиться:

– Молодой человек! А Вы в школе какой язык учили? Случайно, не английский? Акцент очень чувствуется.

Ну кому из них могло прийти в голову, что парень с украинской фамилией будет говорить на немецком языке с грузинским акцентом?

Больше всего Ольга боролась с ошибками в спряжении немецких глаголов вообще и глагола sein в частности. Шутка ли, основной глагол-связка, а мы постоянно допускали

ошибки в его употреблении. Поэтому таблица его спряжений повторялась почти на каждом занятии.

Ich – bin; du – bist; er, sie, es – ist; wir – sind; ihr – seid; sie – sind.

Малыш не любил немецкий язык. Он увлекался творчеством группы "The Beatles", запоем слушал их песни, а многие из них даже знал наизусть. В анкете после поступления Андрей указал, что учил в школе немецкий, но хотел бы в университете изучать английский. Нашему битломану не повезло – его определили в 116-ю группу. Малыш не успокоился и даже пытался добиться разрешения учить английский язык вместе с какой-нибудь другой группой нашего курса. Но его затею не одобрили в деканате.

Пришлось Андрею страдать на уроках немецкого. Через некоторое время самый младший студент нашей группы придумал речёвку, отражающую его отношение к нелюбимому предмету вообще, к собственным способностям при его изучении, и к таблице спряжений глагола sein в частности. Эту речёвку Малыш повторял практически на каждом занятии, как мантру:

– Их бин, дубин, полен, бревно, их бин, дубин, полен, бревно.

Заклинание сработало! Немецкий язык Андрей так и не выучил.

Глава 7. Комсомол и прочее

Комсомол

В начале сентября на курсе состоялось первое комсомольское собрание. Перед нами выступил секретарь комитета комсомола ВМиК Андрей Педоренко.

Вот уж человеку фамилия досталась! Подозреваю, что в школе ему приходилось нелегко. С другой стороны, всё, что нас не убивает – делает сильнее. Вот и этот человек: закончил ВМиК, затем отучился положенный срок в аспирантуре, после чего два года отбывал комсомольскую повинность – работал освобождённым секретарём комитета комсомола факультета. На старших курсах он нам встречался уже как преподаватель.

Педоренко прочитал дежурную торжественную речь, пообещал студентам комсомольские задания на благо родины, партии и правительства, а потом сказал, что нам нужно выбрать секретаря комитета ВЛКСМ первого курса. Поскольку тогда в моду только вошли демократические процедуры, то студентам предложили использовать мягкое рейтинговое голосование. Каждый мог высказаться и предложить знакомого хорошего человека в качестве кандидата. Фамилии выписывались на доске. Набралось их около дюжины. А потом

шло голосование по каждой кандидатуре в несколько приёмов. В каждом туре выбывал тот, за кого было подано наименьшее количество голосов. Его фамилию стирали.

Получилось довольно шумно и весело. Кого мы выбрали – уже и не вспомню. Запомнились лишь слова Питалова, моего соседа по комнате. Когда я спросил его об одной из кандидатур, Серёжка ответил:

– Этот? Мой одnogруппник? Да, похоже. Редкостный бездельник! Типичный комсомольский активист!

В нашей группе комсоргом избрали Заозёрского. Никто не испытывал особого желания связывать себя какой-то общественной нагрузкой, поэтому Сашкина кандидатура прошла единогласно. А он, в силу своего уважения к комсомолу, отказываться не стал.

Спустя короткое время после собрания, нас отправили на субботник на строительство Московского Дворца молодёжи. Наша 116-я группа довольно дружно собралась после занятий и организованно отправилась на метро до «Фрунзенской».

Громада Дворца молодёжи была уже практически закончена. Оставались ещё какие-то внутренние работы. Строителей наше появление несколько удивило – такой большой оравы студентов на объекте просто не ожидали. В конце концов, некоторым всё же нашли относительно полезное занятие – выносить мусор из зрительного зала на улицу. Часть народу просто стояла в холле, ожидая, пока им найдут ра-

боту. А бездельники, типа меня, послонявшись по объекту, отправились на поиски приключений. Мы облазали Дворец молодёжи сверху донизу, посмотрели, какие в нём будут помещения, а потом, с чувством выполненного долга, спокойно удалились вместе с остальными, уже закончившими трудиться.

В нашем общежитии действовал студком – студенческий комитет, некий посредник между руководством факультета, комсомольской организацией факультета, администрацией общежития и студентами. К нашему несчастью, активисты студкома жили рядом с нами в 103 и 105 комнатах. Поэтому, если требовались «добровольцы» для каких-то важных дел, то мы поневоле становились самыми вероятными кандидатами.

В самом начале сентября обитателей нашей комнаты заставили дежурить по общежитию. Самыми первыми! Утром, пока весь народ самоотверженно грыз гранит науки, следовало вымыть пол на первом этаже. А потом до самого вечера дежурить на входе, проверять документы у входящих и вписывать всех посторонних посетителей в специальный журнал. Зачем это было нужно – я до сих пор не понимаю. Ведь в общежитии имелись и уборщицы, и вахтёрши. Однако, не смотря на это, на первом курсе нас время от времени продолжали привлекать к подобным дежурствам.

В середине сентября в столовой, где питались студенты всех семи корпусов ФДС, случилось ЧП – отказал грузо-

вой лифт. Столовские обратились к руководству, а те сразу же спустили директиву в студкомы: мобилизовать студентов-добровольцев на помощь пищеблоку!

Нетрудно догадаться, что студентами-добровольцами оказались мы, обитатели 104-й комнаты. И несколько часов пришлось поработать грузчиками в столовой – поднимать, по мере необходимости, продукты из холодильника, расположенного внизу, поварам на второй этаж. Не сказать, что мы очень устали, но таскать мешки и коробки было менее приятно, чем сидеть в своей комнате и делать домашние задания на завтра. Но добрые поварихи в качестве моральной компенсации вручили нам пару батончиков и две буханки «Дарницкого» хлеба со словами:

– Не голодайте, ребята!

Турпоход

В один из погожих осенних дней весь первый курс отправили сдавать очередной норматив по физкультуре.

Почему очередной? После памятного заплыва в университетском бассейне, где отличился кубинец Фредди, свежеспечённым студентам довелось продемонстрировать свою меткость в стрельбе из мелкокалиберной винтовки. А на этот раз нам предстояло побывать в туристическом походе. Норматив засчитывался всем, кто принял участие в этом мероприятии.

При выходе мы слишком долго собирались и к месту общего сбора, платформе «Каланчёвская», не успевали. Кто-то, скорее всего, Малыш, предложил попытаться счастья и поехать до метро «Рижская», чтобы перехватить «нашу» электричку на «Ржевской». Дескать, там меньше идти до путей.

Мы так и сделали. Удивительно! Не смотря на то, что этот маршрут в метро занимает больше времени, нам удалось успеть на платформе «Ржевская» забежать в вагон того самого поезда, в котором наш курс отправлялся до станции Снегири.

Час пути в электричке, и вот уже нестройными толпами, растянувшись длинной вереницей на километр, студенты побрели до реки Истра. Шли мы по широким лугам, разрезаемым редкими перелесками. Хорошо, что осень в том году выдалась довольно сухой. Грязи не было, и пешая ходьба доставляла удовольствие, по крайней мере, мне. Добравшись до реки, некоторое время мы двигались по просёлку вдоль берега. В конце концов, через пару часов был устроен привал.

Из нашей группы к турпоходу серьёзно отнёсся один лишь Малыш. Он экипировался по всем правилам. В его удобном спортивном рюкзаке с алюминиевой рамой нашлись и поролоновые коврики, и котелок, и подставка под него. Пока мы всей группой дружно валялись на травке, отдыхая после марш-броска, Малыш сбегал за дровами, развёл костёр, принёс воду в котелке и начал её кипятить.

Вскоре Андрей уже предлагал всем желающим горячий свежесваренный чай. Можно было начинать трапезу. Разложив неподалёку от костра все продовольственные запасы, наша группа приступила к самому важному этапу турпохода.

Люблю такие пикнички на природе! Сидишь на травке, неторопливо поглощая бутерброды. Рядом располагаются жующие друзья и знакомые. Когда чувство голода исчезает, а по телу от горячего свежего чая разливается блаженное тепло, даже самый привередливый человек испытывает покой и умиротворение.

За время привала физруки, отвечающие за мероприятие, обошли всех старост групп и отметили присутствующих студентов. Дело было сделано, норматив по турпоходу сдан. Пора отправляться домой.

Пока Малыш собирал в рюкзак всю амуницию, мы быстро поднялись и двинулись к ближайшей станции. Считалось, что турпоход у нас должен был пройти от платформы Снегири до города Истра. Но где наш маршрут закончился на самом деле – я уже не помню. Говорят, что мы тогда отмахали километров двадцать или двадцать пять, при зачётном нормативе десять километров.

В памяти лишь осталось, как мы нашли хорошую заасфальтированную дорогу, по которой получалось идти быстро. Помню, как через полчаса приятной ходьбы дорога эта уткнулась в запертые железные ворота в длинной железобетонной стене. Большая часть народу пошла в обход вдоль за-

бора. А я, вместе с самыми безбашенными, рванул напролом.

Мы перелезли через забор и пошли напрямик. Нам повезло. За оградой оказался санаторий, а не какой-нибудь охраняемый объект министерства обороны со злыми собаками и вооружёнными караульными. По ухоженным дорожкам дошагали до главного входа. Там даже не пришлось снова перелезать через забор, так как ворота санатория оказались открытыми. До станции было рукой подать, и вскоре мы уже мчались на электричке в Москву. Прогуляться по осенним подмосковным лугам хорошо, но вернуться в своё пристанище и рухнуть на кровать – значительно лучше!

Глава 8. В дружеском общении

День рожденья группы

– А давайте мы отпразднуем день рожденья нашей группы!

Кто выступил с подобным предложением – я уже и не вспомню. Но всем эта идея понравилась. Самый младший в группе, Андрей, по прозвищу Малыш, тут же предложил собраться у него дома. Жил Малыш вместе с родителями в Зеленограде, городе-спутнике Москвы. Пятьдесят минут на электричке от Ленинградского вокзала. Не ближний свет – но никого это не смутило.

Накупили «Фанты», «Пепси», тортиков и в субботу после занятий отправились в Зеленоград. Вышли на платформе Крюково. Я сразу понял тогда, что она названа в честь той самой деревни, возле которой «погибал взвод» поздней осенью 1941 года. К востоку от железнодорожных путей всё было застроено современными многоэтажками. А вот с противоположной стороны за забором стояли маленькие деревянные домики – всё, что осталось от деревни Крюково.

Забавно было узнать, что в большей части Зеленограда адреса домов не связаны с улицами, а нумеруются по корпусам. Наш одноклассник жил в двадцатидвухэтажной башне, чей

номер записывался четырёхзначным числом. Как пошутил Димыч, адрес Малыша состоял из двух городов (г. Москва, г. Зеленоград) и двух номеров (номер корпуса и номер квартиры). Если бы Андрей не был нашим провожатым, найти место сбора мы бы не смогли. Приезжим ориентироваться в Зеленограде тяжело! Понять, по каким принципам в этом городе-спутнике нумеровались дома, могут только местные обитатели.

Поднялись в квартиру нашего одноклассника. Оказалось, что отец Андрея в свободное время рисует – на стенах висели его картины. А ещё выяснилось, что родные Малыша часто ходят в туристические походы и очень любят играть в преферанс.

Все пришедшие разместились в большой комнате. Общего разговора сначала как-то не получалось, но вскоре кто-то предложил для знакомства каждому рассказывать о себе. А выбирать очерёдность решили при помощи пустой бутылки из-под «Пенси». Бутылку вращали на полу. На кого указывало её горлышко после остановки – тот и должен был говорить. Оказалось, что в нашей группе собрались люди из Москвы и Подмосковья, Ставрополя, Магнитогорска, Челябинска, Свердловска, Ульяновска, Тольятти, Чимкента, Петропавловска-Камчатского и Хабаровска. Рассказы были не слишком длинными – жизнь только начиналась, но зато каждый смог сказать несколько слов.

Кстати, тогда же мы услышали историю о том, как Малыш

сдавал вступительные. Изначально он собирался идти в физтех. Андрей подал документы в МФТИ и даже сдал там один экзамен. Если я не ошибаюсь – устную физику. Заслушав ответ по билету, преподаватель неожиданно спросил у Малыша, является ли тот членом ВЛКСМ. Слегка ошарашенный Андрей честно ответил, что в комсомол не вступал по идейным соображениям. Тут уж экзаменатор, как говорится, закусил удила и принялся топить своего абитуриента. В итоге поставил четвёрку.

Полученная оценка Малыша не устроила – ему казалось, что его ответ заслуживает большего. И Андрей подал апелляцию. В апелляционной комиссии сидел тот же самый преподаватель, на которого Малыш собирался жаловаться. Разумеется, ничего наш друг не добился. После этого Андрей забрал документы из физтеха и подал их в МГУ. Он, как и я, успел во второй поток поступающих. Кстати, возможно, что Малыш стал единственным студентом нашего курса, кто поступал на ВМиК без паспорта. К тому моменту Андрей просто не успел ещё получить его и предъявлял в приёмную комиссию свидетельство о рождении.

С университетом Малыш оказался связан с самого раннего детства. Его родители жили в общежитии в главном здании МГУ, когда у них появился первенец. Нам даже показали любительские кинокадры о прогулке нашего будущего одноклассника по Ленинским горам вместе с его родителями.

Малыш, из-за того, что по паспорту считался москвичом (всё те же г. Москва, г. Зеленоград), общежитие не получил. Поэтому ему приходилось ежедневно тратить на дорогу в университет и обратно часа по четыре. Разумеется, такое положение дел не устраивало Андрея. В конце концов, он привёз в нашу комнату туристические двухслойные коврики из поролона и время от времени спал на них, постелив их прямо на пол в 104-й.

Именно Малыш научил всю нашу компанию играть в преферанс. С его лёгкой руки расписать пульку на десять вечеров перед сном стало доброй традицией обитателей нашей комнаты.

А ещё родители Андрея выписывали целую кучу перестроечных журналов: и «толстые» литературные, и молодёжные питерские. Нередко во время лекций можно было заметить, как Малыш читает каких-нибудь «Детей Арбата» или «Архипелаг ГУЛАГ», положив журнал на колени. Помнится, со «Сказкой о тройке» Стругацких я впервые ознакомился именно благодаря Андрею, который притащил на занятия большую картонную папку с распечатанным в вычислительном центре текстом на перфорированной бумаге. Мне удалось выпросить у него эту книгу и за две пары быстро-быстро её прочитать.

День рождения нашей группы удался на славу. Мы провели несколько часов за дружеским общением и хоть немного узнали друг друга. Те, кто жил в общежитии, имели возмож-

ность углубить знакомство и другим способом.

Покер на спички и преферанс

Стоял обычный субботний вечер. Все занятия уже давно закончились. Серёжка Питалов уехал на денёк к родителям в Коломну, а Заозёрский, как обычно, скрылся в неизвестном направлении до воскресного вечера. В 104-й остались лишь мы с Валеркой Сидоровым.

И тут к нам в гости зашёл Димыч. Он жил в ФДС-7 сначала на втором, а потом на четвёртом этаже. Димыч привёл своих знакомых, наших однокурсников Костю и Андрея.

Костя – из той самой 115-й группы, что так развлекала Капустина. А ещё он, как и я, на физкультуре занимался в секции легкой атлетики. Так что у нас сразу же нашлись общие темы для разговоров.

У Кости в те годы была просто феноменальная память. Ему удалось не потерять способность к предельной концентрации внимания, которую я практически утратил уже к пятому или шестому классу школы. Благодаря этой способности Костя мог легко и быстро разбираться в самых сложных математических вопросах. Поэтому вскоре он получил заслуженное прозвище Матанист, которое, впрочем, ему не слишком нравилось.

Андрей учился в одной группе с Серёжкой Питаловым. На первом курсе он чуть ли не половину семестра ходил в

зелёном вельветовом костюме. Благодаря этому факту, а так же из-за того, что Андрей пошёл в школу в шесть лет и был младше большинства своих однокурсников, он вскоре получил прозвище Зелёный.

Андрей отличался тогда невероятной общительностью и жизнерадостностью. Его любимым занятием на первом курсе были прогулки по разным комнатам в нашем общежитии. Бывало, зайдёт он к нам в 104-ю и начинает рассказывать про свои похождения:

– А ещё я заходил сегодня в 5** комнату. Там такие девчонки живут замечательные! И очень симпатичные! Они меня чаем с пирожными напоили и ещё в гости приглашали. Ну ладно, я дальше пойду! Надо к Мишелю будет зайти.

Благодаря Димычу, мы в тот вечер перезнакомились, а затем весь остаток дня и половину ночи провели за увлекательнейшим занятием, игрой в покер на спички. Кто не играл – тот не оценит. Очень азартная игра! Лучше неё может быть лишь настоящий покер на настоящие деньги, но бедным студентам такое не по карману. Да оно и к лучшему!

К полуночи я уже оставался практически без спичек. Приходилось время от времени проводить раздачу спичек из новых коробков, чтобы не вылететь окончательно из игры. А Костя с Андреем небрежно сгребали кучи из своих фантастических выигрышей!

Не смотря на всю азартность этой игры, в покер мы играли редко. Значительно чаще садились за преферанс. Так, на

день Конституции, в связи с выходным, мои друзья решили расписать пулю на 50! Это благородное занятие длилось весь красный день календаря. Но первый блин оказался комом – слишком уж много времени пришлось провести за картами. Больше в подобные авантюры мы не ввязывались. Оказалось, что две пульки на 10 всё же лучше, чем одна на 20. При неудачном стечении обстоятельств можно отыгратья в следующей игре, либо вовсе прекратить это занятие.

Димыч старше меня на год. После школы он успел год поработать у себя в Ульяновске в каком-то научном учреждении. Поэтому он считал себя знатоком советской микроэлектроники, при каждом удобном или неудобном случае сыпал какими-то незнакомыми мне словами, чаще всего являвшимися профессиональным жаргоном. А ещё Димка очень любил перед нами изображать из себя умудрённого годами старика, уставшего от жизни. Но, впрочем, все мы к этому быстро привыкли и не обращали внимания на его причуды. Как говорят немцы, *jeder hat seinen Vogel* (дословный перевод – у каждого своя птичка).

Кстати, о птичках. На первом этаже ФДС-7 жил наш однокурсник Костя С., очень умный парень. В первом семестре им овладела идея-фикс. Она заключалась в том, что все существующие языки программирования никуда не годятся, поэтому Костя должен создать свой, новый язык, лишённый недостатков своих предшественников. И наш однокурсник рассказывал всем о своих планах, а также о том, как он со-

бирается их реализовывать. Во втором семестре данная тема в разговорах больше не обсуждалась. Видимо, Костя С. несколько примирился с несовершенной действительностью и отказался от своего проекта.

Глава 9. А что у одноклассников?

Как-то осенью встретился я со своими одноклассниками, тоже учившимися в Москве. Само собой, разговор почти сразу пошёл о наших вузах. О том, чей институт лучше, где, как и чему учат, а также о том, чем отличаются студенты данного учебного заведения.

Андрей С. поступил в МАИ. Там было принято первокурсников сразу же отправлять на сельхозработы, убирать картофель в подмосковных совхозах. Вероятно, для того, чтобы сплотить коллектив. А может быть из-за того, что у первого курса программа несложная и нагонять будет не так тяжело.

Новоиспечённые маёвцы (ни в коем случае не называйте их маишниками – обидятся!) перезнакомились и сдружились на полевых работах. Андрей рассказывал:

– А ещё в нашей группе есть любер. Самый настоящий! Он действительно кучу времени проводил в качалке в девятом-десятом классах. Такой здоровяк! Но совершенно не тупой. Даже шутки понимает. Но его лучше не трогать. Себе дороже обойдётся. Знаете, у «ДДТ» песня есть, «Мама! Я любера люблю!»? Практически про него. Только вот насчёт Кобзона – это всё неправда. Ему другая музыка нравится.

Потом Андрей поведал о местном фольклоре. Помимо всего прочего, студенты его вуза сложили о себе весьма лест-

ное четверостишие:

Два солдата из стройбата
Заменяют экскаватор
Два студента из МАИ
Заменяют целых три!

– А как у вас первокурсников называют? – не унимался Андрей. Мы признались, что не слышали никаких особенных прозвищ в свой адрес со стороны студентов старших курсов или преподавателей. Андрей же рассказал, что в МАИ принята следующая неофициальная система наименований:

первокурсники – козера,
второкурсники – оберкозера,
третьекурсники – студенты,
четверокурсники – пижоны,
пятикурсники – женатики.

Слушать рассказы Андрея было весьма забавно. Чувствовалось, что в авиационном институте существует целый пласт неформальных студенческих традиций. Ведь наш одноклассник, скорее всего, донёс до нас лишь малую толику местного фольклора.

Вовка с Валентином похвастаться подобным не смогли. Они лишь жаловались на бесчисленные «лабы» и на огромное количество «черчёбы» в своей «Бауманке». «Лабамии»

студенты МВТУ называли брошюрки со списком задач и заданий по каждому предмету, обязательных к решению в семестре. Без сдачи этих заданий нельзя было получить допуск к экзаменам. Поэтому студентам волей-неволей приходилось всё прорешать или, по крайней мере, списать. А за термином «черчѐба» скрывались начертательная геометрия и черчение, вещи обязательные в инженерных вузах. Корпеть вечерами над листом ватмана, на котором потом злой преподаватель издевательски сделает пару отметок ручкой (а это значит, что нужно будет всё перечерчивать заново!) – не самое приятное времяпрепровождение!

Когда мои одноклассники узнали, что у нас на ВМиК нет ни черчения, ни «лабов», они восхищённо заметили:

– Да у вас там настоящий курорт! Нам бы такое!

Вовка рассказал об альтернативных способах расшифровки названия своего института. Первокурсники, замученные большим объёмом учебного материала, предлагали аббревиатуру МВТУ читать полностью, как Могила Вырытая Трудями Учёных или даже как Мы Вас Тут Угробим.

Костя, единственный из нашего класса, поступивший в военно-инженерное училище, поведал об особенностях военных вузов. Сразу же после вступительных экзаменов всех зачисленных в училище ждал месячный курс молодого бойца. Выпускников школ с утра до вечера гоняли, как сидоровых коз и вообще, держали их в ежовых рукавицах. Особенно лютовали взводные из числа отслуживших в армии кур-

сантов.

Зато потом, с началом первого семестра, учёба всем показалась райскими кущами. При их казарменном размещении никаких проблем с посещаемостью не возникало. Взвод с утреннего построения отправлялся прямым ходом на лекции или семинары. Все конспекты во избежание утечки секретной информации после лекций сразу же изымались и выдавались только в специальных аудиториях в отведённое для подготовки время. После окончания самостоятельных занятий тетрадки с записями отбирались снова.

Разумеется, все военные прелести в виде караульной службы и дежурства по казарме никто курсантам не отменял. Здание училища было оборудовано системой теленаблюдения, поэтому, находясь на посту даже в самом глухом коридоре, не стоило расслабляться. Мало ли? Вдруг этот участок здания тоже просматривается из пультовой бдительным офицером? Поэтому курсанты обменивались друг с другом информацией о наличии «мёртвых зон», тех мест, где, находясь в карауле, можно было не попадать в поле зрения камер. Подремать там стоя, прислонившись к стене или даже книжечку почитать.

Костя рассказал самый популярный у них в училище анекдот.

Американцы раз за разом внедряют в училище своих шпионов. Первого отчислили за неуспеваемость – он слишком увлёкся налаживанием контактов с другими курсанта-

ми, быстро спился и сдавать экзамены, как все, не смог. Второй погорел на том, что не пил, слишком прилежно учился и бросался в глаза на фоне других курсантов. Третий оказался очень способным, смог найти баланс, позволявший не вылететь, и в то же время, не выделяться из общей массы. Этот шпион продержался почти все пять лет обучения. Но, когда он узнал, куда его распределяют, то он сразу же сам сдался в КГБ.

А затем Вовка с Андреем начали спорить. Их любимой темой был вопрос: кто дал больше космонавтов стране: МАИ или МВТУ. Тут «Бауманка» вчистую проигрывала конкурирующему вузу. Зато её ректором был космонавт Елисеев, чем Вовка тут же похвалился. Но Андрей был неумолим:

– Елисеев? Как же, знаем! Он, когда летал в космос третий раз в апреле 1971 года, столкнулся с неполадками. Программу полёта сократили. Этот экипаж еле смог приземлиться на землю! Вот поэтому у него и фамилия такая, Елисеев – еле сели!

С Андреем спорить было тяжело. Вовке с Валентином оставалось только улыбнуться.

Глава 10. Дискретная математика

Третьей математической дисциплиной у нас на первом курсе являлась дискретная математика. Лекции по этому предмету читал Валерий Борисович Алексеев, тогда ещё доцент. Излагалось всё довольно близко к тексту избранных глав учебника Сергея Всеволодовича Яблонского «Введение в дискретную математику». Машина Тьюринга, основы алгебры логики, ДНФ и КНФ... Моя жена до сих пор любит вспоминать хорошо запомнившуюся ей самую звучную фразу из этого курса лекций: «Дизъюнкция дистрибутивна относительно конъюнкции¹». Звучит – как мощное заклинание на тайном магическом языке!

Однажды, прогуливаясь по шестому этажу нашего учебного корпуса, я наткнулся на стенгазету в холле напротив помещения кафедры математической кибернетики. Её по традиции делали третьекурсники, распределённые на эту кафедру.

Стенгазета просто искрилась юмором. К сожалению, в памяти кроме общего впечатления мало что осталось. Было упоминание о "Теории графов в трёх частях", с частью первой "Граф Монте-Кристо", частью второй "Графиня де Мон-

¹ Дизъюнкция – логическое сложение, логическое ИЛИ. Конъюнкция – логическое умножение, логическое И. Дистрибутивность – распределительный закон, свойство бинарных операций, позволяющее «раскрывать скобки».

соро" и частью третьей "На графских развалинах". Ещё запомнились термин «бронемашина Тьюринга» из шуточного эссе, да два вопроса из весёлого кроссворда. Первый – двоичная собака (семь букв). Второй – машина, на которой Тьюринг ездил читать свои лекции (девять букв). Кто не догадался сразу – ответы в самом конце главы.

Семинарские занятия по дискретной математике вёл в нашей группе Владимир Анатольевич Захаров. Он тогда ещё был совсем молодым, черноволосым и худым ассистентом с маткиба.

Первый его семинар запомнился, как нечто яркое и театральное. В отличие от многих других семинаристов, Захаров не тратил время на разные глупости, типа зачитывания вслух списка студентов из учебного журнала. Каждая минута семинара использовалась с максимальной эффективностью. Владимир Анатольевич вошёл в кабинет со звонком, и начал рассказывать ещё даже не подойдя к доске. Говорил он очень чётко и образно, все практические задания решал изящно и красиво, с долей артистизма. Сразу становилось ясно, что дискретная математика – это его призвание.

Захаров объяснял и рассказывал практически без остановок. При этом, он, наверное, всё-таки следил за временем, потому что в тот момент, когда прозвенел звонок, Владимир Анатольевич чудесным образом оказался возле входной двери и вышел, договорив последнюю фразу: «Но об этом мы с вами узнаем после перерыва».

Разумеется, вторая половина семинара началась примерно так же. Звонок. Захаров вошёл и прямо на ходу продолжил прерванное изложение темы. Этот семинар оставил невероятное впечатление, как будто перед нами выступал лучший артист математического театра.

Время шло. Вторую половину семестра деканат решил украсить коллоквиумами по основным предметам. Слово коллоквиум оказалось новинкой для большинства – что это ещё за зверь?

Самые дотошные студенты полезли в словари. Оказалось, что в переводе с латинского языка слово коллоквиум означает разговор или беседу. Попутно выяснилось, что более знакомый всем термин симпозиум происходит от греческого «симпосий» – пиршество в Древней Греции, сопровождавшееся бурным весельем и обильными возлияниями. Остряки тут же стали в шутку просить преподавателей не проводить коллоквиум, а лучше устроить симпозиум. Те же комичности ситуации не принимали и советовали сконцентрировать внимание на подготовке, чтобы потом не пожалеть об упущенном времени в сессию.

Мне хорошо запомнился коллоквиум по дискретной математике. Проводился он почти так, как должен был бы происходить экзамен. Только обстановка не отличалась той мрачной серьёзностью, имеющей место лишь во время сессии. И не было обычного во время экзамена контроля, призванного предотвратить списывание.

Я подошёл к экзаменатору, вытянул билет и отправился готовиться. Разумеется, у меня были и конспекты лекций, свои и чужие, и учебник Яблонского, и даже задачник. Всё-таки не экзамен, а всего лишь коллоквиум. Написав ответ, я отправился вниз, к экзаменатору. Им оказался наш Владимир Анатольевич.

Рассказал Захарову всё по билету. Разумеется, сразу же получил дополнительные вопросы. Ведь у нас на ВМиК то, что студент смог сказать что-то по билету, не является достаточным условием того, что он не получит двойку. Нет. Ответ по билету является лишь прелюдией к экзамену, как таковому!

Дополнительные вопросы меня сразу же привели в состояние лёгкого замешательства. Вроде бы я и помнил что-то по этой теме, но сказать что-то конкретное у меня не получалось. Вздохнув, сказал Захарову:

– Владимир Анатольевич! Я не помню.

– А вы вспомните, пожалуйста!

Сразу запаниковав, я завопил:

– Владимир Анатольевич! Я не знаю этого!

– А вы узнайте! – и отправил меня обратно, готовиться.

Списав подчистую всё, что можно было, по вопросам экзаменатора, вернулся к Захарову. Он прекрасно видел весь «сеанс воспоминаний» и я совершенно не представлял, какая последует реакция с его стороны. Вдруг меня сейчас прилюдно обругают и влепят двойку?

Владимир Анатольевич ехидно посмотрел на меня, затем на текст моего ответа, и хитрым голосом произнёс:

– Ну что, вспомнили? – после чего даже не стал заслушивать, поставил пятёрку и отпустил на все четыре стороны.

Двоичная собака – бульдог (булева алгебра – двоичная алгебра), машина, на которой Тьюринг ездил читать свои лекции, – велосипед.

Глава 11. Первая поездка в Ленинград

На первом курсе я довольно интенсивно переписывался с одноклассниками. Поначалу всем это было внове. Мои земляки охотно отправляли письма, в которых рассказывали, кто куда поступил и чем там занимается. Возвращаясь с занятий, я первым делом подходил к специальным полочкам в холле общежития и рылся в отсортированной по алфавиту корреспонденции. Было приятно найти письма, адресованные мне любимому. Заодно отыскивались и конверты для соседей по комнате.

Со временем, конечно, начинал действовать закон затухания первоначального импульса, и переписка, вполне предсказуемо, угасала. Однако в первом семестре этот эффект наблюдался ещё не так сильно. Весточки от друзей приходили регулярно.

В числе прочих я переписывался и с питерскими студентами. наших одноклассников в Ленинграде училось четверо. С двумя из них я состоял в переписке. Петя и Наташка учились в институте авиационного приборостроения, ЛИА-Пе, и письма мне писали в том семестре с завидным постоянством.

Однажды в самом конце октября Петя внезапно оказался в Москве. Увидев его и Олега (ещё одного моего однокласс-

ника и студента ЛИАПа) у себя в общежитии, я обрадовался и несказанно удивился! А Петя удивился ещё больше. Оказалось, что за пару недель до того он отправлял мне письмо, где, между прочим, сообщал о своём предстоящем приезде.

Редкий случай – письмо из Питера в Москву вместо обычных пяти дней шло почти целый месяц. Мои соседи по комнате потом подсчитали, что если бы почтальон шёл из Ленинграда в столицу пешком по восемь часов в день, отдыхая по выходным, то он всё равно доставил бы это письмо за меньшее время! Анекдотическая ситуация! Поэтому появление в Москве Пети с Олегом стало для меня приятной неожиданностью. Я сводил их в гости к Вовке в общагу МВТУ. А в ближайший выходной, мы все вместе гуляли по столице.

Вскоре мы с Володей Д. решили совершить ответный визит в Ленинград на ноябрьские праздники. Особенно не раздумывая, купили билеты на поезд – благо в тот период времени студенты пользовались пятидесятипроцентной скидкой на железной дороге. К нам примкнул Володин однокурсник и сосед по комнате Игорь.

Петя с Наташкой попросили нас привезти из Москвы деликатесы, которых тогда не было в северной столице. Поэтому Вовке пришлось купить целый ящик «Пепси-колы» и большую коробку картофельных чипсов.

В назначенный день вечером сели в поезд на Ленинградском вокзале. Прилегли на свои боковые полки и тут же усну-

ли. Утром проснулись уже в Питере. Спешно собрались и выгрузились со всеми сумками из вагона. Постояли несколько минут на перроне, но не заметили, чтобы нас хоть кто-нибудь встречал. Я сразу же решил, что наши одноклассники ещё предаются неге сна и, конечно же, нас встречать не поехали. Вовка подумал о том же: «Проспали, наверное!» Игорь лишь хитро улыбнулся. Мы схватились за лямки громадной сумки с «Пепси-колой» и рванули к метро, сшибая своим баулом всех, кто имел неосторожность попасться нам на пути.

Перед отъездом из Москвы я внимательно изучил карту Ленинграда и примерно представлял, где живут наши друзья. Их же описания того, как к ним добираться, я попросту проигнорировал. Пусть мы двигались кружным путём, зато я точно знал, где мы находимся и где мы должны оказаться.

Доехали на метро до конечной станции, «Проспект ветеранов». Оттуда, постоянно пересаживаясь с автобуса на автобус, добрались до проспекта Маршала Жукова, где в одном из бывших олимпийских общежитий обитали студенты ЛИАПа. Маршрут получился очень и очень извилистым, но меня это мало смущало – главное, что мы достигли места назначения. А Вовка с Игорем безропотно следовали за мной, вероятно, считая, что раз я их уверенно веду вперёд – значит, знаю куда.

Нашли нужную нам пятнадцатипятиэтажную кирпичную башню, вошли внутрь и попросили бабушек на вахте вызвать наших одноклассников. Через некоторое время к нам спустил-

ся заспанный и немного удивлённый Олег.

Оказалось, что Петя с Наташкой всё-таки поехали нас встречать. Они лишь немного опоздали с выездом. А ещё через пятнадцать минут вернувшиеся одноклассники уже оправдывались перед нами. Наташка рассказывала, что они действительно были на вокзале, вот только приехали туда немного позже, и вообще опоздали всего лишь на пятнадцать минут. Нам бы стоило просто-напросто подождать их там. А то получилось, что они зря ездили, а на перроне их какие-то идиоты чуть не сшибли с ног громадной чёрной сумкой, но они доблестно успели увернуться. При этих словах мы с Володей ехидно переглянулись и достали баул с «Пепси-колой»:

– Этой сумкой, что ли?

А затем три волшебных дня мы гуляли всей компанией по Ленинграду. Погода стояла отвратительная: то снег, то дождь со слякотью. Но так восхитительно было видеть своих друзей, так замечательно было слушать их рассказы о студенческих буднях и о городе, в котором им довелось жить.

Наши одноклассницы, Ирина с Наташкой, к тому времени успели многое узнать о северной столице и стали настоящими кладезями сведений о Питере. Как чудесно было гулять по Невскому и по многочисленным питерским набережным, слушая истории, рассказанные девчонками. Как забавно из уст Пети звучали местные жаргонизмы и сочные описания обычаев ленинградских неформалов. Финальным аккордом

прекрасного дня стал совместный поход в кафе «Дружба» за фирменными эскалопами.

Оказалось, что, действительно, до ЛИАПовского общежития лучше всего добираться от другой станции метро, от «Автово». Всего лишь несколько остановок на трамвае. Петя утверждал, что если тем же трамваем доехать до конечной остановки, то там можно увидеть брошенный вагон, использовавшийся при съёмках фильма «Взломщик». Якобы, именно в нём бушевал Константин Кинчев, выкрикивая фразу «Это мой дом!»

Самым запоминающимся оказался праздничный день, 7 ноября. После обеда начались народные гуляния в честь семидесятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В городе было очень многолюдно. Когда мы отправились в центр Ленинграда, то сначала нас чуть не раздавили в метро при пересадке на «Технологическом институте». На платформе пришлось пробиваться сквозь встречный людской поток, и в толчее потерялась часть нашей компании. Такой давки мне ещё не доводилось видеть. Это счастье, что никого из наших друзей не помяли.

Затем мы с Петей решили выйти к Неве возле Зимнего дворца, чтобы посмотреть праздничный фейерверк. И тут нас чуть не растоптали у Зимней канавки!

Случилось так, что часть народу рвалась к набережной Невы, а другая пыталась уйти оттуда. Отчётливо помню, что когда эти два людских потока схлестнулись в узком прохо-

де, меня сбило с ног. Очутившись на асфальте, я увидел, что толпа надвигается, и если быстро не подняться на ноги – меня растопчут! Никакого ужаса я не испытал, просто время вдруг остановилось и пошло с обычной скоростью лишь тогда, когда мне удалось встать и сгруппироваться, приготовившись к столкновению с приближающейся людской массой. Так что мы с Петей не только увидели замечательный фейерверк над Невой, но ещё и испытали массу невероятно острых ощущений.

Но всё хорошее когда-либо заканчивается. Три дня пролетели, как три мгновенья. И вот я уже в Москве на Ленинградском вокзале.

Раннее утро. Холодно. В метро ещё не пускают. На вокзале гадко и неудобно. Вовка с Игорем пошли на остановку трамвая, который должен был отвезти их до самого общежития, а я остался ждать открытия метрополитена.

Первый поезд. Полчаса до станции «Университет». 34-й троллейбус до площади Индиры Ганди. Наконец, добрался я в ФДС-7. Вхожу в комнату и вижу, что моя кровать занята – на ней спит Малыш. Он не мог упустить такой замечательной возможности поспать в нормальной человеческой постели, а не на поролоновом коврикe, разложенном на полу, как обычно! Ясное дело, я не зверь и будить Малыша не стал. Но самому приткнуться было некуда. И сразу стало так тоскливо. И снова захотелось вернуться в Питер, к друзьям-одноклассникам...

Глава 12. Нас становится меньше – сессия на носу!

Первым студентом, которого наша группа потеряла, стал комсорг, Заозёрский. Это произошло совершенно неожиданно.

В тот год в конце осени в Москву с гастрольями нагрянули братья Аргировы, болгарские эстрадные исполнители. Они пели свои нехитрые шлягеры под электронную музыку, выдаваемую несколькими компьютерами. Я помнил этих певцов по телепрограмме «Утренняя почта» и, неожиданно даже для самого себя, решил вдруг сходить на их концерт. Когда отправился покупать билеты, Заозёрский тоже изъявил желание послушать Аргировых. Да ещё и не один – с подружкой. Попросил купить ему два билета. Разумеется, я не смог отказать своему однокласснику и соседу по комнате в такой мелочи. Купил три билета на вечерний концерт через неделю.

Ближе к дате шоу выяснилось, что у Сашки какие-то проблемы – он ходил мрачнее тучи и на все расспросы отвечать отказывался. В конце концов, на концерт он не пошёл и деньги за билеты мне не вернул, зараза такая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.